

УДК 171:141:123.1

ББК 87.3(2Рос)61:87.3(4Гем)5-536

Юлия Биляловна Мелих

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии естественных факультетов Философского факультета, Россия, Москва; Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: yuliamelikh@yahoo.com

«Борьба» Н.А. Бердяева с И. Кантом за безответственную свободу и самооправдание философией¹

Аннотация. Актуальность исследования связана с 300-летним юбилеем И. Канта и 150-летним юбилеем Н.А. Бердяева. Новизна исследования состоит в обосновании тезиса о том, что «борьба» Бердяева с Кантом составляет основной мотив и ядро его философствования. Осуществляется компаративный анализ философствования Бердяева, в ходе которого устанавливаются сходства и различия его идей с идеями других философов. В ракурсе внимания оказываются бердяевская идея Вечного Завета, основанного на свободе, и идея свободной теургии Вл. Соловьёва; идея парадоксальной этики С. Кьеркегора и идея анархизма М. Штирнера. Мировоззрение Бердяева сравнивается с мировоззрением героя Ф.М. Достоевского Н.В. Ставрогина, пережившего опыт зла. Делается вывод о том, что Бердяев с успехом для себя и своего творчества одерживает победу в борьбе с кантовским пониманием этики долга.

Ключевые слова: идея оправдания зла, неокантианское мировоззрение, парадоксальность этики, этика долга, мезоническое творчество, свободная теургия Вл. Соловьёва, анархизм М. Штирнера

Julia Bilyalovna Mehlich

M.V. Lomonosov Moscow State University, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of Natural Sciences Faculties at the Faculty of Philosophy, Russia, Moscow; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky, Russia, St. Petersburg, e-mail: yuliamelikh@yahoo.com

N.A. Berdyayev's "struggle" with I. Kant over irresponsible freedom and self-justification by philosophy

Abstract. The relevance of the study relates to the 300th anniversary of I. Kant and the 150th anniversary of N.A. Berdyayev. The novelty of the study lies in the substantiation of the thesis that Berdyayev's "struggle" with Kant is the main motive and core of his philosophical thought. A comparative analysis of Berdyayev's philosophising is carried out, in the course of which similarities and differences of his ideas with those of other philosophers are established. Berdyayev's new religious consciousness includes

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00748, <https://rscf.ru/project/24-28-00748/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 24-28-00748, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00748/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

the idea of the Eternal Covenant based on freedom and the idea of free theurgy of V.I. Solovyov; the idea of paradoxical ethics of S. Kirkegaard; references to anarchism and M. Stirner's construction of philosophy; Berdyaev's worldview is compared to N.V. Stavrogin, who lived through the experience of evil. It is concluded that Berdyaev wins the struggle with Kant's understanding of the ethics of duty with success for himself and his work.

Key words: idea of justification of evil, neo-Kantian worldview, paradoxical ethics, ethics of duty, meonic creativity, free theurgy of V.I. Solovyov, anarchism of M. Stirner

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.1.098-111

Введение

Множество мероприятий в 2024 году были посвящены 150-летию юбилею Н.А. Бердяева и 300-летию юбилею И. Канта. Но интерес к их творчеству и их философская встреча в рамках настоящего исследования связаны не только с юбилейными датами, но и в первую очередь с тем, что борьба с этикой Канта образует ядро философствования Бердяева. Философия Канта, естественно, существует без Бердяева, представить философию Бердяева без Канта, однако, невозможно. Философствование Бердяева во многом определяется его борьбой с Кантом за свободу и оказывается, скорее, самооправданием. Кант связывает свободу, зло и вину с выбором индивидуума, Бердяев же не желает брать вину на себя. Именно это нежелание брать вину на себя побуждает Бердяева к поиску философских оснований его мировоззрения. Такими основаниями у него являются анархизм и мeonическая свобода творчества. Бердяевское понимание свободы П.П. Гайденко называет «люциферическим»². Позиция Канта в отношении свободы, зла, вины и ответственности, связанных с индивидуумом, образует проблемное поле не только этики, но и всей философии Бердяева.

Постараемся доказать истинность этого утверждения. Бердяев в работе «О рабстве и свободе человека» (1939 г.) признает: «Хотя в молодые годы я был близок к кантианству, но никогда не разделял философии Канта ... скольконибудь целостно. С Кантом я даже боролся. ... в его философии почти совершенно отсутствует категория духа» [2, с. 429–430]. Бердяев перечисляет то, что сближает его с Кантом: «Но есть определяющие идеи, которые в той или иной форме присутствовали на протяжении всего моего философского пути. Мне особенно близок дуализм Канта, кантовское различие царства свободы и царства природы, кантовское учение о свободе умопостигаемого характера и кантовские волюнтаризм, взгляд на мир явлений, как отличный от того подлинного мира, который он неудачно назвал миром вещей в себе» [2, с. 429–430]. Бердяев отталки-

---

² См.: Гайденко П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 317 [1].

вается от идеи подлинного мира и противопоставляет ему неподлинный мир. В этом неподлинном мире он начинает свою борьбу с Кантом. Бердяев не желает брать вину за зло, связанное со свободой индивидуума, на себя, как это формулирует Кант. Мир явлений неподлинный, и все происходящее в нем так и понимается Бердяевым, поэтому и вина должна быть неподлинной и как можно меньше влиять на жизнь.

Кант рассматривает историю в небольшом трактате «Предполагаемое начало человеческой истории» (1786 г.) и выявляет в ней «свободу умопостигаемого характера», т. е. отвлеченную от единичного, обобщенную и выражаемую в понятиях с точки зрения рода, и историю с точки зрения индивида. При этом «движение, которое для рода является *прогрессом* [переходом] от худшего к лучшему, не является таковым для индивидуума»³.

Для индивидуума свобода разума – это зло, так как природа не ведает, не осознает, она невинна, а он, индивидуум, выбрал познание и грехопадение: «Индивидууму, который в пользовании своей свободой рассчитывает только на самого себя, это изменение [выбор познания добра и зла – Ю.М.] принесло ущерб; природа, которая в своей цели направлена на человека как на род, – выиграла» [3, с. 169]. Цель природы – это развитие в направлении к появлению человека и сознания, а с ними и свободы, позволяющей выбор. В этой связи Кант говорит о «пороках» «окультуренного разума», а Бердяев в трактовке культуры и истории делает основной своей установкой освобождение себя от этого окультуренного мира, от «объективации»⁴ в культуре. Самое главное, что отличает позицию Бердяева от позиции Канта, это непризнание своей ответственности как индивидуума за пороки, которые есть в мире, и непризнание вины за свои собственные пороки.

Представляется, что борьба Бердяева с Кантом начинается с утверждения Канта о том, что для индивидуума свобода разума несет с собой и зло, из чего Кант заключает: «Индивидуум ... должен поэтому причину всех претерпеваемых им бед и совершаемого им зла видеть в собственной вине» [3, с. 169]. Бердяев же не желает брать вину за свободу и зло на себя – и это является ключом к его философствованию, направленному на преодоление неподлинного бытия. Для Бердяева зло начинается не со свободы, волюнтаризма в познании, ведения, для него свобода есть до человека. Вокруг этой проблематики и выстраивается все последующее его философствование как оправдание себя. Можно возразить, что свобода у Канта связана со злом только в феноменальном мире, а не в ноуменальном и что Бердяев эту тему свободы без зла и развивает. Дей-

³ См.: Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории // Кант И. Соч. в 4 т. на немецком и русском языках. Т. 1. Трактаты и статьи (1784–1796) / под ред. Н.В. Мотрошиловой и Б. Тушлинга. М.: Ками, 1993. С. 169 [3].

⁴ См.: Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Бердяев Н.А. Опыт парадоксальной этики / сост. и вступ. ст. В.Н. Калужного. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. С. 429 [2].

ствительно, как отмечает Бернхард Шульце, «вся философия Бердяева предстает в обусловленном чрезмерным напряжением всех сил искажении, но грандиозном искажении, она напоминает о маньеризме в искусстве в силу чрезмерного акцентирования на каких-либо основных моментах и вследствие ... усиленного ... удара на духовном...» [4, с. 233]. Бердяев, действительно, всегда стремится сохранить перспективу с точки зрения вечности, но, отказываясь от вины, он не принимает феноменального, т. е. неподлинного мира. Это позволяет ему жить так, как если бы и вина была неподлинной, что и оправдывает его желание не давать вине влиять на жизнь.

Зло как условие творческого акта

В разделе о религиозной философии XX века своей книги «Владимир Соловьев и философия Серебряного века» (2001 г.) П.П. Гайденко уделяет философскому мышлению Н.А. Бердяева целую главу с «Анархический персонализм Бердяева». Автор, чья характеристика творчества Бердяева нам близка, обращает внимание на то, что роль персонажей Ф.М. Достоевского, и прежде всего Ставрогина в «Бесах», для формирования взглядов Бердяева «трудно переоценить»⁵. В 1914 году после постановки в Художественном театре «Бесов» Бердяев публикует в «Русской мысли» статью «Ставрогин», в которой он пишет: «Поражает отношение самого Достоевского к Николаю Всеволодовичу Ставрогину. Он романтически влюблен в своего героя, пленен и обольщен им. Никогда ни в кого он не был так влюблен, никого не рисовал так романтично» [5, с. 176]. По прочтении текста становится очевидным, что эту влюбленность в Ставрогина, которую Бердяев приписывает Достоевскому, испытывает сам Бердяев, а свою характеристику Ставрогина он «примеряет» на себя. Мы должны узнать в нем самого Бердяева. Бердяев – это преодолевший свою немощь Ставрогин, призванный к новому творчеству. Кроме того, Ставрогин, как и Бердяев, «красавец, аристократ, гордый, безмерно сильный...; все ждут от него чего-то необыкновенного и великого, все женщины в него влюблены, ... он весь из полярных противоположностей, все вращается вокруг него, как солнца» [5, с. 176]. Подобную характеристику себе Бердяев дает в своих работах «Самопознание»⁶ и «О рабстве и свободе человека»⁷.

В статье «Ставрогин» (1904 г.) Бердяев проводит две идеи, которые всегда подспудно присутствуют в его творчестве. Это идея оправдания зла как условия свободы творчества и идея непостоянства, динамики мировоззрения

---

⁵ См.: Гайденко П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 309.

⁶ См.: Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии / сост., предисл., подгот. текстов, коммент. и указ. имен А.В. Вадимова. М.: Книга, 1991. 448 с. [6].

⁷ См.: Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии. С. 423–696.

творческого индивида. Бердяев пишет, что Ставрогин имеет «опыт зла». И все-таки Бердяев любит его, «никому не отдаст его, не уступит его никакой морали, никакой религиозной проповеди»⁸. Зло – это необходимый путь, утверждает он в работе «О назначении человека» (1931 г.), анализируя грехопадение и возникновение добра и зла: «В раю не все было открыто человеку и незнание было условием райской жизни. Это – царство бессознательного. Свобода человека еще не развернулась, не испытала себя и не участвовала в творческом акте» [7, с. 47]. По мнению философа, именно грехопадение, знание открывают все способности человека, который «возжелал страдания и трагедии мировой жизни, чтобы испытать свою судьбу до конца, до глубины»⁹. Творческий акт, по Бердяеву, это рождение идей и ценностей, которые воплощаются и регулируют реальность, создание идей и соблазнение ими других – все это характеристики Ставрогина: «Ставрогин – творческий, гениальный человек. Все последние и крайние идеи родились в нем: идея русского народа-богоносца, идея человекобога, идея социальной революции и человеческого муравейника» [5, с. 178]. Бердяев, как известно, увлекает и других идеями марксизма, славянофильства, новым религиозным сознанием, анархизмом, творчеством и т. д., но, как и Ставрогин, сам он не может, передавая его же слова, «потерять рассудок и ... поверить идее в той степени, как он (Кириллов)», и «даже» не может «заняться идеей в той степени»¹⁰. Более того, реализация его идей вызывает у него, как и у Ставрогина, которого он характеризует как «аристократа духа и русского барина», чувство «брезгливого презрения к собственным созданиям»¹¹.

Попробуем под эту позицию подвести философский фундамент. Нежелание или неспособность полностью принять идею теоретически, оставаться «ничейным» обосновывает любимый Бердяевым Макс Штирнер, когда говорит об эгоисте, который не может согласиться с каким-либо определением себя, более того, об эгоисте, который не желает быть и эгоистом, так как это уже родовое понятие¹². Бердяев для понимания Ставрогина отсылает к Фридриху Ницше, который опять же у Штирнера перенимает идею о постоянном самопреодолении. Возникает и мысль-догадка: если Бердяев восхищается Ставрогиным, то он также имеет опыт зла, но не желает признавать вину, даже если она его личная, не желает каяться, а навязчиво проводит идею необходимости зла, чем и отличается от Ставрогина. Достоевский характеризует Ставрогина в его разговоре с Тихоном, который цитирует Евангелие: «И Ангелу Лаодикий-

⁸ См.: Бердяев Н.А. Ставрогин // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. В 2 т. Т. 2 / вступ. ст., сост., примеч. Р.А. Гальцевой. М.: Искусство; Лига, 1994. С. 176.

⁹ См.: Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н.А. О назначении человека / сост. Л.И. Греков, А.П. Поляков; вступ. ст. П.П. Гайдено, примеч. Р.К. Медведевой. М.: Республика, 1993. С. 48 (Сер. Библиотека этической мысли) [7].

¹⁰ См.: Бердяев Н.А. Ставрогин. С. 179.

¹¹ Там же.

¹² См.: Штирнер М. Единственный и его собственность. Харьков: Основа, 1994. 560 с. (Сер. Философская мысль. Pro et contra) [8].

ской церкви напиши: сие глаголет Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия: знаю твои дела; ни холоден, ни горяч; о если б ты был холоден или горяч! Но поелику ты тепл, а не горяч и не холоден, то изблую тебя из уст моих» [9, с. 628]. Ставрогину Тихон говорит: «Всю гордость свою и беса вашего посрамите!» [9, с. 648]. Бердяев никогда не отказывается от своих идей, он оправдывает их, указывая на противоречивость и антиномичность, парадоксальность своего мышления. Он ищет философов, которые близки ему в понимании реальности, и одним из них оказывается экзистенциалист Сёрен Кьеркегор, философствование которого во многом связано с его стремлением преодолеть любовь к Регине Ольсен. Он не мог жениться на ней и пытается доказать, что не по своей вине. Именно это событие в жизни стало ключевым для всего его философствования.

В книге «Бердяев» из серии «Жизнь замечательных людей» О.Д. Волкогонова пишет: «... в 1903 году, в личной жизни Бердяева произошло какое-то тяжелое событие, связанное с женщиной» [10, с. 69]. Она цитирует отрывок из письма Бердяева к матери, отсылая к работе А.В. Вадимова¹³. Бердяев пишет: «Это несчастье в моей жизни, дорогая мама, я заслужил это несчастье, должен пережить его и хочу устроить свою жизнь так, чтобы оно как можно меньше сказалось на ней... Для семейной жизни я совершенно не гожусь, по натуре я типичный холостяк, слишком занят философией и слишком люблю свободу, так что я в конце концов мало теряю» [10, с. 70]. По существу, Бердяев здесь формулирует свое кредо: все, что связано с заслуженным несчастьем, с виной, не должно влиять на его жизнь или как можно меньше сказываться на ней. Последующие события в жизни Бердяева подтверждают это, порой оборачиваются даже парадоксом. Несмотря на отказ от семейной жизни, Бердяев в 1904 году знакомится со своей будущей женой Лидией Юдифовной Рапп. И далее он всю жизнь будет окружать себя женщинами. Опыт зла, чувство вины никак не оказывают влияния на его жизнь, Бердяев всегда находит выход в парадоксальности мышления, которое, по его мнению, соответствует глубине самого бытия. Василий Зеньковский в связи с этим справедливо отмечает, что вся философия Бердяева «очень субъективная», «все его книги есть повесть о самом себе, о своих сомнениях и трагических конфликтах»¹⁴.

Задача Бердяева – подвести под свое кредо философский фундамент. Таким фундаментом станут идеи несотворенной, меонической свободы и меонического творчества. Но так же, как и многочисленные противоречивые и смеющиеся друг друга идеи Бердяева, одна из которых самоопределение Бердяе-

---

¹³ См.: Вадимов А. Жизнь Бердяева: Россия. Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 1993. P. 58 (Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts; vol. 29) [11]. Александр Вадимов – псевдоним Александра Вадимовича Цветкова.

¹⁴ См.: Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 2. Ч. 2 / сост., послесл. и коммент. А.В. Полякова. Л.: Эго; Союзбланкоиздат [М.]; Прометей, 1991. С. 63 (Сер. Философское наследие России) [12].

вым себя как одинокого и «ничейного» философа в творчестве, идея свободы и творчества во многом близка идее свободной теургии Вл. Соловьёва.

«Борьба» Бердяева с И. Кантом

«Борьба» Бердяева с Кантом отражает неприятие им «кантовско-толстовского» моралистического понимания религии, которое, как он пишет в работе «Новое религиозное сознание и общественность» (1907 г.), «видит в моральности самую сущность человеческой природы, то, что делает человека человеком – образом и подобием Бога», а в грехопадении – «“моральный” факт», нарушающий моральный закон, что является, по Бердяеву, слишком рациональной, «ограниченно-человеческой точкой зрения», «производным и частным явлением человеческой психики»¹⁵. Кант, действительно, формулирует категорический императив с опорой на разум. При этом он указывает на связь религиозного и рационального. Связь эта проявляется в трактовке истории рода и вида. В философское осмысление общей истории рода Кант вводит религиозную тему зла и вины – и ответственности за них только индивида. Что отмечает и Бердяев, говоря о слишком рациональном и в то же время частном явлении человеческой психики. Бердяев пытается расширить представление о грехопадении, которое совершается в стихии мира. Таким образом, индивид освобождается от ответственности за грехопадение. Философ утверждает: «Грехопадение совершилось в самой глубине мистической стихии мира, это таинственный акт метафизической свободы» [13, с. 27]. В чем истина этого акта? Бердяев разъясняет: «Чисто моральный пафос – отрицателен, он не творческий, он отрицает зло в себе» [13, с. 31]. Поэтому и нравственность имеет «чисто отрицательный», ограничивающий и сдерживающий характер. Сознание, лучше понимающее истину Христа, связано, по Бердяеву, не с моралью, а с «творческим характером религии»¹⁶.

«Творческая свобода» у Николая Бердяева. Знак надежды в падшем мире» станет темой вышедшей к 100-летию юбилею Бердяева в Германии книги Пауля Клайна¹⁷. Издатель Йоханнес Грюндель в предисловии к ней отмечает, что данное исследование мышления Бердяева «предлагает дискуссию о творчестве выдающегося русского религиозного философа нашего века и демонстрирует его значение для христианской этики и нравственного богословия»¹⁸.

¹⁵ См.: Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность / сост. и коммент. В.В. Сапова. М.: КАНОН+, 1999. С. 26–27 (Сер. История философии в памятниках) [13].

¹⁶ Там же. С. 31.

¹⁷ Klein P. Die „kreative Freiheit“ nach Nikolaj Berdjajew. Zeichen der Hoffnung in einer gefallenen Welt. Regensburg: Verlag Friedrich Pustet, 1976. 269 s. (Studien zur Geschichte der katholischen Moraltheologie; Bd. 21) [14].

¹⁸ См.: Gründel J. Vorwort des Herausgebers // Klein P. Die „kreative Freiheit“ nach Nikolaj Berdjajew. Zeichen der Hoffnung in einer gefallenen Welt. Regensburg: Verlag Friedrich Pustet, 1976. S. 5–6 (Studien zur Geschichte der katholischen Moraltheologie; Bd. 21) [15].

В предисловии Бернхард Хэринг добавляет: «Многое, что Н. Бердяев писал и говорил уже несколько десятилетий назад, в своем истинном значении, кажется, только сегодня признается и воспринимается серьезно» [16, с. 7]. Клайн рассматривает «творческую свободу» у Бердяева как основополагающее условие, динамический принцип для «преодоления объективации». Он отмечает, что Бердяев констатирует «примат свободы» и указывает «на недостаточность ее интерпретаций». В связи с этим Бердяев рассматривает, по Клайну, творчество (*das Schöpferische*) как «комплементарное восполнение свободы» (*komplementäre Ergänzung der Freiheit*), понимая тем самым «свободу как динамическую силу и творческий акт»¹⁹. По мнению Клайна, Бердяев «также требовал “этики творческой свободы”»²⁰ для применения ее как принципа христианской этики, что подтверждает близость Бердяева Соловьеву.

Разработку темы творчества и свободы в их единстве с религиозностью находим у Вл. Соловьева в одной из его незавершенных работ (««Планы и черновики»»²¹), в которой он предлагает следующую схему:

Новоплатонизм – Каббала	Закон	Ветхий Завет
Бэм ²² – Сведенборг	Евангелие	Новый Завет
Шеллинг – я	Свобода	Вечный Завет

Более подробно эта схема раскрывается Соловьевым в «Критике отвлеченных начал»: «...мир, в котором мы существуем, ... есть для нас мир внешний и чуждый, ... мы живем не в истине...» [18, с. 743]. Соловьев предлагает радикальное решение – в «свободной теургии», в «пересоздании» реальности, формулируя задачу как задачу эстетическую, а следовательно, посюстороннюю²³. Именно поэтому Бердяев обращается к философии Соловьева, в которой проявились «творческие порывы воли к Божеству»²⁴ – в *явлении* самому Соловьеву образа вечной женственности, божественной красоты. Свое видение Соловьев выразил, как особо подчеркивает Бердяев, эстетически, в художественной форме, в поэме «Три свидания»²⁵. Оказывается, что именно в творчестве проявляет себя индивид, а до этого акта творчества его вела свобода мира.

¹⁹ См.: Klein P. Die „kreative Freiheit“ nach Nikolaj Berdjajew. Zeichen der Hoffnung in einer gefallenen Welt. S. 102–146.

²⁰ Там же. С. 141.

²¹ См.: Соловьев В.С. <Планы и черновики> // Соловьев В.С. Полн. собр. соч. и писем в 20 т. Соч. Т. 2. 1875–1877 / отв. ред. А.А. Носов; сост. А.П. Козырев, Н.В. Котрелев; пер. с фр. А.П. Козырев. М.: Наука, 2000. С. 177 [17].

²² «Бэм» – немецкий религиозный мистик Якоб Беме (1575–1624).

²³ См.: Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 1 / сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги; примеч. С.Л. Кравца и др. М.: Мысль, 1988. С. 744 (Сер. Философское наследие. Т. 104) [18].

²⁴ См.: Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. С. 35.

²⁵ См.: Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. С. 35–36.

Бердяев закрепляет соловьевский ход мысли как определение свободы в своей парадоксальной этике. Первые три раздела «Этики по сю сторону добра и зла» – это этика закона, этика искупления и этика творчества.

В парадоксальной этике Бердяева раскрывает двойственность этической проблемы как онтологической (“быть”) и гносеологической (“знать”). В дохристианской философии первым сформулировал и решал эту проблему двойственности Сократ, у него “знать” означает “делать добро”. Бердяев же решает эту проблему эстетически (творчески). Так как феноменальный мир – неистинный мир, то его нужно пересоздать. Для этого Бердяев привносит в онтологию тему свободы, которую он формулирует как «вечное богорождение из Ungrund’a»²⁶, отсылая к своим этюдам о Я. Беме. Тем самым Бердяев утверждает: «В творческий замысел всегда проникает элемент первоначальной свободы, свободы ничто» [7, с. 45].

Примат эстетики в творчестве Бердяева Эрих Кларрот объясняет особенностью православной традиции, опираясь на высказывание Сергея Булгакова: «“Идеальное основание православия является не этическим, а эстетически-религиозным, эстетическим; это видение ‘духовной красоты’; чтобы ее достигнуть, необходимо иметь духовное искусство, творческое вдохновение”» [19, s. 81]²⁷. В ноуменальном мире есть только свобода и нет зла, свободе ничего не противостоит. Основание же православия, по Булгакову, а вслед за ним и Бердяеву, является эстетически-религиозным, следовательно, вопрос воплощения свободы переносится в эстетическую плоскость. Таким образом, возникает вопрос: где в ноуменальном бытии остается меонический Ungrund, противостоящий Богу после конца истории, воплощения? В главе «Завершение» (Die Vollendung) Кларрот, несмотря на привлекательность свободы и творчества, связанных с ним, задается этим вопросом об апокалипсисе, в конце которого Богу ничего не противостоит, и констатирует: «Напрасно, однако, спрашивать, где остался меонический Ungrund, который является таким же вечным, как сам Бог. Снова и снова оказывается теория Ungrund’a в красивых мыслительных ходах Бердяева гноящейся раной, которая не хочет заживать» [19, s. 93].

Одновременность знания и делания добра или «затемнение» разума

Парадоксальная этика Бердяева во многом соприкасается с философией С. Кьеркегора, с его трактовкой «старого моралиста Сократа» в свете христианства. Согласно Сократу, по Кьеркегору, «грешить – это не знать»²⁸. Кьеркегор в то же время усматривает в сократовском определении пороков, осознава-

²⁶ См.: Бердяев Н.А. О назначении человека. С. 42.

²⁷ См.: Boulgakoff S. L’Orthodoxie. Paris: Alean, 1932. P. 218 (Les Religions) [20].

²⁸ См.: Кьеркегор С. Болезнь к смерти // Кьеркегор С. Страх и трепет / пер. с дат. Н.В. Исаевой, С.А. Исаева; изд. 2-е, доп. и испр.; сост. и общ. ред. С.А. Исаева, И.А. Эбанондзе; коммент. Н.В. Исаевой, С.А. Исаева. М.: Культурная революция, 2010. С. 366 (Сер. Классики современности) [21].

емый Сократом хотя и «не полностью»: «Его пороком – а сократизм, хотя и не полностью, отдает себе в этом отчет и видит это – является отсутствие диалектической категории, позволявшей бы перейти от понимания к действию. А христианство как раз исходит из этого перехода; и на протяжении своего пути оно наталкивается на грех, показывает нам его место в воле...» [21, с. 366]. Сократ, пишет Кьеркегор, представитель философской спекуляции, тайна которой состоит в том, чтобы не доходить до основ, «не завязывать нить узлом»²⁹, а «шить бесконечно долго»³⁰, продевая иголку туда и обратно, решая переход от спекуляции к действию тождеством бытия и мышления (Парменид, Гегель и др.). Христианство завязывает узел на конце нити, останавливает спекуляцию догматом о первородном грехе и парадоксом: «верить – значит быть»³¹. Кьеркегор ссылается на «Евангелие от Матфея», цитируя: «по вере вашей да будет вам» (Мф 9:29). «Парадокс веры», отмечает Кьеркегор, демонстрирует «различие природы между Богом... и человеком», их несовпадение, в то время «как их вынуждает совпадать философия, поэзия и тому подобное»³². Философия ищет совпадения субъекта и объекта, поэты же сами творят мир. Переход от мышления к действию, от знания блага к благодеянию у реальных людей не происходит мгновенно. Жизнь духа, по Кьеркегору, не имеет перерывов и остановок, а человек в то мгновение, когда узнает правое, не совершает его, что зависит не только от осознания правого, но и от воли человека. А воля может откладывать действие правого, т.е. добра, затемняя осознание, и тогда «побеждают низкие стороны нашей природы», инстинкты, замедляющие волю. Это приводит, по Кьеркегору, к тому, что люди стремятся «затемнить свое этическое и этико-религиозное суждение», «вместо этого они развивают в себе эстетическое и метафизическое сознание, которое служит всего лишь отвлечением от этического»³³.

Этико-религиозное суждение у Кьеркегора связано дефисом, он считает, что для христианина грех пребывает в воле (этика), а не в сознании (философия). Бердяев же *разъединяет* этико-религиозное суждение на этическое и религиозное и переносит этику по сю сторону добра и зла. В такой этике парадоксы возникают между различными сферами духовной деятельности индивида: наукой, философией, религией, этикой и эстетикой, как их трактуют неокантианцы. Соответственно, Бердяев в работе «О назначении человека» (1931 г.) констатирует: «Ценность нравственная в узком смысле слова сталкивается с ценностью познавательной или эстетической, ценности жизни личной с ценностью жизни сверхличной, исторической» [7, с. 139]. Для самого Бердяева завязывание спекулятивного узла происходит в вере, он принимает парадокс

²⁹ См.: Кьеркегор С. Болезнь к смерти. С. 366–367.

³⁰ Там же. С. 367.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 372.

³³ Там же. С. 368.

веры, но отмеченное Кьеркегором затемнение этико-религиозного суждения, связанное со стремлением преодоления различия между человеком и Богом в *творчестве* (как у Бердяева), приводит и к совпадению в эстетическом суждении, что демонстрирует пример Вл. Соловьёва, выразившего мистическое переживание божественной Софии в поэме. Творчество самого Бердяева сводится к познанию правого, как выражается Кьеркегор, т. е. порождению различных философских идей, которые призваны оправдать зло и отсутствие вины за него, заставить нас, говоря словами Кьеркегора, «принимать такую ловкость рук за христианство»³⁴.

Заключение

Бердяев строит свою философию на свободе, Штирнер говорит о желании человека свободы в себе и задается вопросом: «Что же вы будете иметь, если достигнете ... полной свободы?»³⁵ И продолжает ответом: «Вы будете избавлены от всего, всего, что вас стесняет...», поэтому «обращайтесь же лучше к себе... Выявляйте то, что в вас заложено, открывайте себя»³⁶ – и «станьте эгоистами»³⁷! Бердяев следует этим правилам в «Самопознании», в котором он отказывается «публично каяться»³⁸. Самопознание «сознательно эгоцентрическое»³⁹, в нем Бердяев стремится оправдать себя, свои противоречия в философии и избавиться от того, что его стесняет, в том числе и от несчастий, которые должны как можно меньше сказываться на жизни. И при этом он присваивает и осваивает взгляды тех, кто борется с философией своих предшественников, – революционера К. Маркса, нигилиста Ф. Ницше, анархиста М. Штирнера.

Стремясь преодолеть различие между Богом и человеком в индивидуальном творчестве, Бердяев, как сказал бы Штирнер, строит «свое дело на себе *Единственном*, тогда оно покоится на преходящем, смертном творце»⁴⁰ (курсив наш. – Ю.М.). Бердяев неустанно «шьет» свою мысль в парадоксах переходов от науки к религии, от эстетики к этике, от рода к индивиду. Так Бердяев с успехом для себя побеждает в борьбе с этикой И. Канта.

В целом следует отметить, что с Бердяевым трудно спорить и заключать его мысль в логические схемы. Этому есть объяснение, приводимое самим Бердяевым, он пишет: «Меня часто плохо понимают и моему мирозерцанию дают самые противоположные характеристики. В этом виноват, вероятно, и я сам. Я объясняю непонимание тем, что я мыслю антиномиями, противоречия-

³⁴ См.: Кьеркегор С. Болезнь к смерти. С. 367.

³⁵ См.: Штирнер М. Единственный и его собственность. С. 149–150.

³⁶ Там же. С. 150.

³⁷ Там же. С. 153.

³⁸ См.: Бердяев Н.А. Самопознание. С. 7.

³⁹ Там же. С. 8.

⁴⁰ См.: Штирнер М. Единственный и его собственность. С. 353.

ми, парадоксами, трагическими конфликтами. Делаю я это вследствие моего абсолютного убеждения в том, что лишь антиномически-парадоксальное мышление соответствует структуре мира и даже глубине бытия» [22, с. 31]. Исследователи, однако, воспринимают это по-иному. Бернхард Шульце в заключении своего исследования о видении Бердяевым церкви отмечает: «Подобно тому как бердяевские утверждения зачастую ускользают от любого рода анализа, они также ускользают и от любой критики. <...> Каждый раз, когда я готовлюсь к нападению, он уворачивается, делает поворот, отступает к другой позиции, которую потом может поменять на другую. Его мышление словно текуче, с постоянными переходами: это следствие его динамического понятия бытия; хочу я его [мышление – Ю.М.] поймать в логические сосуды, так оно ускользает» [4, с. 233]. Под динамическим понятием бытия Шульце имеет в виду творческий, вечно творимый неонический характер бытия у Бердяева.

Означает ли это, что с Бердяевым не стоит спорить и пытаться раскрывать в его мышлении различные логические ходы? Думается, что нет. Бердяеву всегда удастся затронуть и побудить нашу мысль к размышлению и спору с ним.

Список литературы

1. Гайденок П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 472 с.
2. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Бердяев Н.А. Опыт парадоксальной этики / сост. и вступ. ст. В.Н. Калужного. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. С. 423–696.
3. Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории // Кант И. Соч. в 4 т. на немецком и русском языках. Т. 1. Трактаты и статьи (1784–1796) / под ред. Н.В. Мотрошиловой и Б. Тушлинга. М.: Камі, 1993. С. 151–191.
4. Schultze B. Die Schau der Kirche bei Nikolai Berdiajew. Rom: Pont. Institutum Orientalium Studiorum, 1938. 251 s. (Orientalia Christiana Analecta; Bd. 116)
5. Бердяев Н.А. Ставрогин // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. В 2 т. Т. 2 / вступ. ст., сост., примеч. Р.А. Гальцевой. М.: Искусство; Лига, 1994. С. 176–186 (Сер. Русские философы XX века).
6. Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии / сост., предисл., подгот. текстов, коммент. и указ. имен А.В. Вадимова. М.: Книга, 1991. 448 с.
7. Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н.А. О назначении человека / сост. Л.И. Греков, А.П. Поляков; вступ. ст. П.П. Гайденок, примеч. Р.К. Медведевой. М.: Республика, 1993. С. 19–252 (Сер. Библиотека этической мысли).
8. Штирнер М. Единственный и его собственность. Харьков: Основа, 1994. 560 с. (Сер. Философская мысль. Pro et contra).
9. Достоевский Ф.М. Бесы. Роман в 3 ч. / вступ. ст., примеч. Н. Будановой. Л.: Худож. лит., 1989. 672 с.
10. Волкогонова О.Д. Бердяев. М.: Молодая гвардия, 2010. 390 с. (Сер.: Жизнь замечательных людей).
11. Вадимов А. Жизнь Бердяева: Россия. Oakland, California: Berkeley Slavic Specialties, 1993. 287 p. (Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts; vol. 29)
12. Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 2. Ч. 2 / сост., послесл. и коммент. А.В. Полякова. Л.: Эго; Союзбланкоиздат [М.]; Прометей, 1991. 268 с. (Сер. Философское наследие России).

13. Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность / сост. и коммент. В.В. Сапова. М.: КАНОН+, 1999. 464 с. (Сер. История философии в памятниках).
14. Klein P. Die „kreative Freiheit“ nach Nikolaj Berdjajew. Zeichen der Hoffnung in einer gefallenen Welt. Regensburg: Verlag Friedrich Pustet, 1976. 269 s. (Studien zur Geschichte der katholischen Moraltheologie; Bd. 21).
15. Gründel J. Vorwort des Herausgebers // Klein P. Die „kreative Freiheit“ nach Nikolaj Berdjajew. Zeichen der Hoffnung in einer gefallenen Welt. Regensburg: Verlag Friedrich Pustet, 1976. S. 5–6 (Studien zur Geschichte der katholischen Moraltheologie; Bd. 21).
16. Häring B. Vorwort // Klein P. Die „kreative Freiheit“ nach Nikolaj Berdjajew. Zeichen der Hoffnung in einer gefallenen Welt. Regensburg: Verlag Friedrich Pustet, 1976. S. 7–8 (Studien zur Geschichte der katholischen Moraltheologie; Bd. 21).
17. Соловьев В.С. <Планы и черновики> // Соловьев В.С. Полн. собр. соч. и писем в 20 т. Соч. Т. 2. 1875–1877 / отв. ред. А.А. Носов; сост. А.П. Козырев, Н.В. Котрелев; пер. с фр. А.П. Козырев. М.: Наука, 2000. С. 162–178.
18. Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 1 / сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Лосева и А.В. Гульги; примеч. С.Л. Кравца и др. М.: Мысль, 1988. С. 581–756 (Сер.: Философское наследие. Т. 104).
19. Klamroth E. Der Gedanke der ewigen Schöpfung bei Nikolai Berdiajew. Ein umfassender Überblick über das Werk dieses großen Russen des 20. Jahrhunderts. Hamburg-Bergstedt: Herbert Reich, Evangelischer Verlag, 1963. 118 s. (Theologische Forschung. Wissenschaftliche Beiträge zur kirchlich-evangelischen Lehre; Bd. 29).
20. Boulgakoff S. L'Orthodoxie. Paris: Alean, 1932. 269 p. (Les Religions).
21. Кьеркегор С. Болезнь к смерти // Кьеркегор С. Страх и трепет / пер. с дат. Н.В. Исаевой, С.А. Исаева; изд. 2-е, доп. и испр.; сост. и общ. ред. С.А. Исаева, И.А. Эбаноидзе; коммент. Н.В. Исаевой, С.А. Исаева. М.: Культурная революция, 2010. С. 285–404 (Сер.: Классики современности).
22. Бердяев Н.А. О христианском пессимизме и оптимизме (По поводу письма протоиерея Сергия Четверикова) // Путь. Орган русской религиозной мысли. 1935. № 46. С. 31–36.

References

(Sources)

Collected Works

1. Berdyaev, N.A. Stavrogin, in Berdyaev, N.A. *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva*. V 2 t., t. 2 [Philosophy of Creativity, Culture and Art. In 2 vols., vol. 2]. Moscow: Iskusstvo; Liga, 1994, pp. 176–186.
2. Kant, I. *Predpolagaemoe nachalo chelovecheskoy istorii* [Conjectural Beginning of History], in Kant, I. *Sochineniya v 4 t., t. 1. Traktaty i stat'i (1784–1796)* [Works in 4 vols., vol. 1. Treatises and Articles (1784–1796)]. Moscow: Kami, 1993, pp. 151–191.
3. Solov'ev, V.S. *Kritika otvlechennykh nachal* [Critique of Abstract Principles], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 1* [Works in 2 vols., vol. 1]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 581–756.
4. Solov'ev, V.S. <Plany i chernoviki> [Plans and drafts], in Solov'ev, V.S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t. Sochineniya. T. 2. 1875–1877* [Complete Works and Letters in 20 vols. Works. Vol. 2. 1875–1877]. Moscow: Nauka, 2000, pp. 162–178.

Individual Works

5. Berdyaev, N.A. *Novoe religioznoe soznanie i obshchestvennost'* [New Religious Consciousness and Public]. Moscow: KANON+, 1999. 464 p.

6. Berdyaev, N.A. O naznachenii cheloveka. Opyt paradoksal'noy etiki [On the Purpose of Man. The Experience of Paradoxical Ethics], in Berdyaev, N.A. *O naznachenii cheloveka* [On the Purpose of Man]. Moscow: Respublika, 1993, pp. 19–252.
7. Berdyaev, N.A. O rabstve i svobode cheloveka. Opyt personalisticheskoy filosofii [On Slavery and Freedom of Man. The Experience of Personalistic Philosophy], in Berdyaev, N.A. *Opyt paradoksal'noy etiki* [The Experience of Paradoxical Ethics]. Moscow: AST; Khar'kov: Folio, 2003, pp. 423–696.
8. Berdyaev, N.A. O khristianskom pessimizme i optimizme (Po povodu pis'ma protoiereya Sergiya Chetverikova) [On Christian Pessimism and Optimism (On the Letter of Archpriest Sergius Chetverikov)], in *Put'. Organ russkoy religioznoy mysli*, 1935, no. 46, pp. 31–36.
9. Berdyaev, N.A. *Samopoznanie. Opyt filosofskoy avtobiografii* [Self-Knowledge. Experience of a Philosophical Autobiography]. Moscow: Kniga, 1991. 448 p.
10. Boulgakoff, S. L'Orthodoxie. Paris: Alean, 1932. 269 p.
11. Dostoevskiy, F.M. *Besy. Roman v 3 ch.* [Demons. A novel in 3 parts]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1989. 672 p.
12. K'erkegor, S. Bolezn' k smerti [The Sickness unto Death], in K'erkegor, S. *Strakh i trepet* [Fear and Trembling]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya, 2010, pp. 285–404.
13. Shtirner, M. *Edinstvennyy i ego sobstvennost'* [The Unique and Its Property]. Khar'kov: Osnova, 1994. 560 p.

(Monographs)

14. Gaydenko, P.P. *Vladimir Solov'ev i filosofiya Serebryanogo veka* [Vladimir Solovyov and the Philosophy of the Silver Age]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2001. 472 p.
15. Klamroth, E. *Der Gedanke der ewigen Schöpfung bei Nikolai Berdjajew. Ein umfassender Überblick über das Werk dieses großen Russen des 20. Jahrhunderts.* Hamburg-Bergstedt: Herbert Reich, Evangelischer Verlag, 1963. 118 p.
16. Klein, P. *Die "kreative Freiheit" nach Nikolaj Berdjajew. Zeichen der Hoffnung in einer gefallenen Welt.* Regensburg: Verlag Friedrich Pustet, 1976. 269 p.
17. Schultze, B. *Die Schau der Kirche bei Nikolai Berdjajew.* Rom: Pont. Institutum Orientalium Studiorum, 1938. 251 p.
18. Vadimov, A. *Zhizn' Berdyaeva: Rossiya* [Berdyaev's Life: Russia]. Oakland, California: Berkeley Slavic Specialties, 1993. 287 p.
19. Volkogonova, O.D. *Berdyaev.* Moscow: Molodaya gvardiya, 2010. 390 p.
20. Zen'kovskiy, V.V. *Istoriya russkoy filosofii. T. 2, ch. 2* [History of Russian Philosophy. Vol. 2, part 2]. Leningrad: Ego; Soyuzblankoizdat [Moscow]; Prometey, 1991. 268 p.

Introductions to Monographs

21. Gründel, J. Vorwort des Herausgebers, in Klein, P. *Die "kreative Freiheit" nach Nikolaj Berdjajew. Zeichen der Hoffnung in einer gefallenen Welt.* Regensburg: Verlag Friedrich Pustet, 1976, pp. 5–6.
22. Häring, B. Vorwort, in Klein, P. *Die "kreative Freiheit" nach Nikolaj Berdjajew. Zeichen der Hoffnung in einer gefallenen Welt.* Regensburg: Verlag Friedrich Pustet, 1976, pp. 7–8.